

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ VIII

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2021, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ПУТИ РОССИИ. С ЧЕМ ПРИШЛИ

БЕСЕДА 1 СТР. 18

Длинные деньги и их влияние на рост экономики

БЕСЕДА 2 СТР. 30

Бедность — пересмотреть понятия

БЕСЕДА 3 СТР. 42

Дистанционное образование. Как будем учиться?

БЕСЕДА 4 СТР. 54

Как живет средний класс в России?

Что определяет принадлежность к среднему классу и как сказывается кризис на его представителях?

БЕСЕДА 5 СТР. 64

Что такое экономическое развитие? В чем оно измеряется?

БЕСЕДА 6 СТР. 74

Цифровые платежные системы

БЕСЕДА 7 СТР. 84

Технологическая революция и неравенство

ЧАСТЬ II

О КРИЗИСЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. НА ЧЕМ СТОИМ

БЕСЕДА 1 СТР. 104

Кризис — время возможностей

БЕСЕДА 2 СТР. 114

Особенности нынешнего кризиса

БЕСЕДА 3 СТР. 124

Первые итоги мирового кризиса

БЕСЕДА 4 СТР. 132

Дистанционный труд. Правовые аспекты

БЕСЕДА 5 СТР. 148

Квалификационная яма. Что это такое для экономики?

БЕСЕДА 6 СТР. 158

Презентация Доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы, 2021»

ЧАСТЬ III

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. КУДА ИДЕМ?

БЕСЕДА 1 СТР. 172
Стратегия для России

БЕСЕДА 2 СТР. 184
Эпоха беспорядка. Что придет на смену
глобализации

БЕСЕДА 3 СТР. 194
Творчество как товар. Как развивается
креативная экономика в России

БЕСЕДА 4 СТР. 204
Пути цивилизационного развития. По какому из
них пойдет наше общество? И от чего это
зависит?

БЕСЕДА 5 СТР. 220
Как построить экономику на доверии?

БЕСЕДА 6 СТР. 228
Будущее налоговой системы России

БЕСЕДА 7 СТР. 238
Социальная инженерия. Как ей противостоять?

БЕСЕДА 8 СТР. 246
О сценариях среднесрочного и долгосрочного
развития

ЧАСТЬ IV

МЕСТО В ЭКОНОМИКЕ. ЧТО БЕРЕМ С СОБОЙ

БЕСЕДА 1 СТР. 258
Экономика технологических решений
для здравоохранения

БЕСЕДА 2 СТР. 268
Цифровая целина сельского хозяйства

БЕСЕДА 3 СТР. 276
Туризм как системообразующая отрасль
экономики

БЕСЕДА 4 СТР. 284
Арктика — территория диалога или
конфронтаций?

БЕСЕДА 5 СТР. 294
Питьевая вода. Как улучшить ее качество
и обелить рынок?

ДЛИННЫЕ ДЕНЬГИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ ЭКОНОМИКИ

Проблема наличия длинных денег в экономике стоит на экономической повестке дня России с начала 2000-х годов. Без них не будет роста экономики, именно они являются одним из главных стимулов для этого процесса. Как привлечь длинные деньги? Какие возможности есть у Банка России для решения этого вопроса?

По материалам программы «Дом «Э»» на телеканале ОТР от 24.10.2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

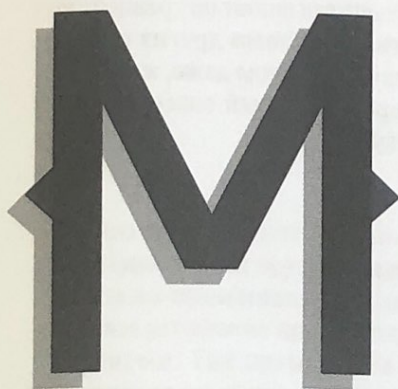
Михаил Владимирович Ершов,
член Президиума ВЭО России,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов, профессор
Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н.

Никита Иванович Масленников,
ведущий эксперт Центра политических технологий,
руководитель направления «Финансы и экономика»
Института современного развития

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Михаил Владимирович, центральные банки практически всех развитых стран ведут политику по эмиссии долгосрочных финансовых инструментов и ресурсов и в целом по расширению так называемых длинных денег в своих экономиках. Я знаю, вы полагаете, что нашему Банку России также следовало бы уделить внимание этому направлению, потому что воспроизводство длинных денег — это основа и инвестиций, и устойчивого развития. Мы сегодня поговорим об этом: почему, собственно говоря, без длинных денег не будет роста.

Итак, первый вопрос. «Нет длинных денег — нет роста». Так называлась ваша, ставшая известной, совместная статья с академиком Абелом Гезевичем Аганбегяном, опубликованная в известном деловом издании. Так почему без длинных денег не обойтись?

Ершов: Мы все прекрасно понимаем, что проблема длинных денег является основополагающей. И более того, мы также понимаем и помним, что эта проблема у нас в новой России находится на повестке дня с начала 2000-х годов. И более того, мы прекрасно, опять-таки, понимаем, что чем более предсказуемым и чем более системным для рынка будет финансовое состояние и в валютном плане, и в длинных ресурсах, тем более прогнозируемой будет их экономическая деятельность. Что надо иметь в виду? Вот мы — и бизнес, и регуляторы, и экономика в целом — немножко, мне кажется, скромничаем с точки зрения формирования длинных денег у себя. И, в общем, если бы мы пошли теми более активными, настойчивыми путями, которыми идут наши основные конкуренты, ведущие экономики мира, то я думаю, что проблема была бы у нас более эффективно решена. А возможностей, на самом деле, у наших регуляторов и у нашей экономики здесь достаточно много.

Вот давайте, например, посмотрим на валютную проблематику. В конце сентября 2020 года все у нас были обеспокоены новым витком обесценения рубля. Чем выше волатильность рубля, то есть движение вверх-вниз, вверх-вниз, чем сильнее тренд на обесценение национальной валюты, тем, конечно, будет меньше у длинных инвесторов желания с этим инструментом, с нашим рублем, работать. Потому что кто же будет вкладывать свои ресурсы в длинную в тот актив, который обесценивается? У наших регуляторов есть на то большие возможности в плане стабилизации ситуации на валютном рынке. Тем более что российский рубль является одной из самых обеспеченных валют по сравнению со многими вполне уважаемыми валютами других стран: и японской иеной, и швейцарским франком даже, и уж тем более — американским долларом, который совсем плохо себя с этой точки зрения чувствует.

Что это фактически означает? Что если бы наш регулятор хотел, он бы на валютном рынке установил тот диапазон колебаний и тот курс, который считает целесообразным. И, соответственно, волатильность тоже решается одномоментно очень легко. Если регулятор хотя бы говорит рынку, что он считает нецелесообразной повышенную волатильность, и в случае, если рынок будет себя вести иначе, то может на этот рынок так или иначе войти и хотя бы частично на рынке стабильность восстановить. Рынок все это мгновенно уловит.

Если мы посмотрим на другие компоненты (они не менее, а, может быть, в чем-то столь же или даже более значимы) денежно-кредитной и бюджетной политики, то международное агентство Fitch сделало исследование, где рассмотрело большую группу достаточно сильных стран (там были и страны БРИКС, часть — Бразилия, Южная Африка, Индонезия, Индия и Россия) с точки зрения двух компонентов. По двум параметрам они рассмотрели, как эти страны себя ощущают в плане денежно-кредитной сферы, с одной стороны, и в плане бюджетной сферы, с другой стороны. И там, и там (и в бюджетных компонентах, и в денежно-кредитных компонентах) Россия на первом месте. То есть они сочли, что и в сфере денежно-кредитной, и в сфере бюджетной у нас, у России, самое лучшее положение по сравнению с этими странами с точки зрения возможности маневра и с точки зрения осуществления наших подходов и политики в сфере денежно-кредитной и в сфере бюджетной.

Поэтому, еще раз резюмируя коротко ответ на вопрос, что и в сфере валютной, и в сфере денежно-кредитной, и в сфере бюджетной у нас, у России, есть хорошие и пока еще мало используемые возможности с точки зрения того, чтобы обеспечить те механизмы, которые нам необходимы для обеспечения длинных инвестиций и длинных денег.

Бодрунов: Скажите, какие наиболее перспективные вы видите у нас механизмы? Может быть, их перечислить как-то, охарактеризовать?

Ершов: Совершенно верно. Это очень системный, фундаментальный вопрос, Сергей Дмитриевич. Если посмотреть на балансы трех центральных банков — американского, ФРС США, Банка Японии и нашего уважаемого Банка России — с точки зрения того, каким образом эти национальные банки осуществляют эмиссию своей национальной валюты, то мы видим, что у двух самых мощных финансовых систем мира, у японской и американской, 90%, почти 95%, основы всей эмиссии составляют национальные государственные бумаги, длинные, как правило, бумаги своего Минфина.

Что это означает? Что, по сути, эти экономики, эти центральные банки осуществляют ту самую так называемую денежно-промышленную политику, которая все более и более устойчиво проводится в последние годы ведущими странами. Так называемая industrial policy, когда у вас не просто эмиссия, а там рынок разберется, а вот у вас эмиссии на ипотеку, а вот у вас эмиссия на малый бизнес, а вот у вас эмиссия на наукоемкие производства, а вот у вас эмиссия на региональные программы и так далее — то, что нужно национальной экономике.

И вот если у вас в балансе ФРС 90% с лишним занимают национальные целевые государственные бумаги, по преимуществу длинные (в США — до 30 лет, в Японии — до 40), это означает, что на эти цели, на цели эмиссии (на ипотеку, на регионы, на космос, на все остальное) центральный банк дает экономике системный длинный ресурс. Сейчас (после пандемии и во время пандемии это особенно стало отчетливо проявляться) некоторые страны (например, Австрия, Бельгия) стали выпускать столетние облигации, облигации со сроком на 100 лет. Естественно, если экономика получает столетний ресурс от своего центрального банка, да еще и, ко всему прочему, целевой, ну конечно, с этим столетним ресурсом много что можно сделать. Причем у вас будет полное системное понимание, что деньги останутся в экономике столько, сколько нужно, потому что эта бумага держится на балансе центрального банка, он обратно деньги свои не оттягивает из экономики, то есть экономика получила столетний ресурс или тридцатилетний, как в США, — и так 30 лет эти деньги находятся там. Более того, были прецеденты, когда, например, срок бумаги истекал, и, по идее, нужно было деньги оттянуть назад, а деньги были экономике нужны по-прежнему.

Операция повторялась еще раз. Новая эмиссия, новый тридцатилетний ресурс попадает вновь — и всё, 30 плюс 30. Деньги превращались, по сути, в бессрочные. Ну конечно, если вот такие подходы самые зрелые финансовые системы устойчиво практикуют многие десятки лет, наверное, есть над чем подумать.

И здесь возникает вопрос: не этими ли подходами эти экономики обеспечивают себе мощь и свои лидирующие позиции в мировой финансовой системе? И параллельный вопрос: не связаны ли наши российские трудности и с нехваткой длинных денег, и с их дороговизной, с волатильностью валютного рынка и со всеми теми вещами, о которых мы с вами неоднократно говорили, с тем, что у нас в России подходы диаметрально противоположные тем, которые практикуются в этих наиболее зрелых и устойчивых финансовых системах мира? Что мешает нам сделать переход от той системы, которая делает нас не очень устойчивыми и не очень, что называется, прочно стоящими в этом смысле на ногах, к той системе, которая успешно и многие десятки лет практикуется ведущими экономиками мира?

Бодрунов: В качестве таких государственных механизмов эмиссии длинных денег можно использовать какие-то государственные инструменты, которые могут иметь длинный характер. Это, конечно, очень правильно с точки зрения того, что мы вбрасываем в экономику длинные деньги. Но очень важно также и понимать, что для государства это государственный долг, и поэтому есть разные мнения по этому вопросу. Кто-то считает, что таких долгов бояться не надо. Кто-то считает, что они могут нанести определенный ущерб нашей экономике. Я думаю, что здесь, как всегда, истина находится где-то в процессе исследования и применительно к обстоятельствам.

Я хотел бы, чтобы мы послушали мнение одного из наших экспертов — Никиты Ивановича Масленникова.

Масленников: Будет возрастать госдолг. Бесспорно, будет возрастать. За ближайшие годы, ну, скажем, в 2019 году это 12,7% ВВП, а в 2023-м это будет уже порядка 21%. Но давайте сравним. Соединенные Штаты Америки этот финансовый год закончат с госдолгом 104% валового внутреннего продукта страны, у Китая — около 70%. У многих других стран тоже где-то, у развитых экономик, между 60 и 80%. Поэтому мы по этому показателю в одной из самых лучших, на самом деле, в одной из самых защищенных позиций в экономическом мире.

Есть и другая точка зрения: давайте занимать как можно больше. Но занимать мы у кого будем? У своей собственной экономики, у своих субъектов? Иногда это просто необходимо, как в 2020 году случилось: и сделали, сманиеврировали удачно, ослабили цену падения рубля. Стоило бы поэтапно, спокойно снижать дефицит бюджета до приемлемого уровня. То, что получается по этому году, — это еще где-то 4,4% ВВП, это не здорово. Но без такого дефицита мы бы не смогли профинансировать антикризисные меры. На них уже потрачено в настоящее время порядка 4 триллионов рублей, а это 3,9% валового внутреннего продукта России. Вот если бы мы не потратили эти деньги и, стало быть, не получили бы такой дефицит, то спад нашей экономики в этом году был бы глубже как минимум на 2 процентных пункта. Вот если у нас сейчас прогнозируются 3,9%, то было бы больше 6%. Поэтому в данном случае дефицит оправдан, потому что это необходимо.

Другое дело, что нам нужно сокращать дефицит. На 2021 год есть предложения о снижении дефицита до 2,4% ВВП, а в 2022 году — уже до 1%. Но крайне важен бюджетный стимул для этого, который как раз в 2021 году и особенно в 2022-м будет затухать. Но это не слишком страшно, потому что если дефицит будет, скажем, те же самые 2%, но если мы получаем гарантированно 3 и более процентов экономического роста за счет этого, то это, в общем, вполне удачная тогда композиция, можно считать ее успехом.

Бодрунов: Возвращаемся к вопросу о длинных деньгах с точки зрения их использования. Вот мы говорим, что экономика без длинных денег будет страдать. Это уже установленный, понятный, достаточно объективный фактор развития экономики. Но все-таки, знаете, деньги используются по-разному. Могут использоваться в целях, которые неважны с точки зрения развития. Могут использоваться не очень эффективно с точки зрения того, в какие сроки, когда и куда инвестировать, и много чего еще бывает в ситуации, когда мы получаем какие-то деньги, ресурсы, а проектов под это дело особых нет и так далее и тому подобное. То есть все зависит от многих-многих факторов. Как сегодня вы понимаете перспективу? Допустим, сейчас принят план развития экономики, есть цели национального развития. С точки зрения выполнения этих задач как эффективно использовать длинные деньги?

Ершов: В статье, о которой вы упомянули, с Абелом Гезевичем мы пишем и о наукоемких производствах, и об инвестициях в человеческий капитал, потому что мы прекрасно понимаем, что люди — это самое главное, особенно сейчас, когда мы в условиях пандемии почувствовали, что если люди будут себя чувствовать плохо, то и вся экономика будет тем более себя чувствовать плохо. Поэтому инвестиции и в экономику знаний, и в здравоохранение, и экономика образования — всё требует длинных устойчивых ресурсов.

Более того, тут возникает двойной фактор. Во-первых, у нас у всех, как у населения, возникает большая и большая уверенность в завтрашнем дне, и мы начинаем уже более активно участвовать в экономической жизни своей страны, своей экономики. Повышается наш спрос, которого сейчас, к сожалению, мало. Проблема отсутствия спроса — проблема тоже довольно долгая, последние пять-шесть лет у нас в России. А так мы будем чувствовать, что мы все-таки уже станем более активными участниками, первое. И второе — повышается наша удовлетворенность тем, что происходит, то есть повышается фактор социальной стабильности. Мы ощущаем себя более комфортно в этой системе координат.

А что касается самих технологий движения средств, чтобы они не были растрочены бесцельно или не были украдены, наверное, здесь, конечно, уже есть отшлифованные, так или иначе отработанные механизмы, технологии движения ресурсов через казначейство, через спецсчета, через спецбанки, которые на этом уже как бы не первый год функционируют.

Бодрунов: Для того чтобы деньги не ушли, условно говоря, куда-то в теневой сектор.

Ершов: Или использованы не по назначению, например, на валютный рынок, где будет опять все это дело расшатываться, и все будет дестабилизироваться; то, о чем мы говорили в начале разговора. Совершенно верно. То есть все-таки должен быть обеспечен целевой характер движения и использования средств.

Бодрунов: Мы с вами наблюдаем очень важный эффект, важный момент. Дело в том, что сама по себе эмиссия длинных денег, их использование и так далее панацей не являются, если это сделано в отрыве от тех структурных преобразований, от тех вещей, которые необходимы для развития экономики в других ее элементах и частях.

В частности, только что вы сказали о спросе. Ну хорошо, замечательно, что спрос действительно поддерживает развитие экономики и экономический рост. И понятно, вы четко пояснили, в чем здесь роль длинных денег, как это может быть связано с этим фактором. А есть ли еще какие-то дополнительные механизмы экономического роста, которые так или иначе упираются в длинные деньги? Потому что длинные деньги — это как бы длинная жизнь.

Ершов: Нужно иметь в виду комплекс мер. Это и процентные ставки, и всякие спецмеханизмы, и спецпрограммы, и все то, что, в общем, мы неоднократно говорили и говорим.

Но здесь я еще раз хочу подчеркнуть вот какое обстоятельство. Важна общая финансовая стабильность. И в качестве иллюстрации, конечно, здесь рынку важно понимать с точки зрения работы с длинными деньгами, насколько стабильны перспективы этой среды, этого рынка.

Я напомним (опять, скорее, в контексте валютной проблематики) один интересный эпизод. Он печальный, к сожалению, но все-таки с точки зрения финансового регулирования интересен тем, как восстанавливается финансовая стабильность. Когда были события, связанные с башнями-близнецами в Соединенных Штатах, — чудовищная катастрофа, американский рынок, естественно, закрылся. Но потом, когда он открылся, то объем рефинансирования, которое ФРС предоставила своей банковской системе, в первый же день работы рынка превысил обычные объемы более чем в 200 раз. То есть за один день сразу ФРС увеличила рефинансирование для своих американских банков в двести с лишним раз, за один день по сравнению с обычным объемом, который был до этой катастрофы, до этого кризиса. Плюс ставки были опущены вниз резко, плюс спецликвидность была тоже введена. И рынок через неделю, две, три уже потихонечку стал от этого шока оправляться и стал восстанавливаться.

Это я к чему говорю? Что вот такие специальные меры по восстановлению стабильности на рынке могут, даже в таких шоковых ситуациях, добавить рынку стабильности и устойчивости. И в условиях вашего вопроса о длинных деньгах это тем более важно. И когда эта длинная перспектива не будет нарушаться короткими эпизодами провалов, вверх-вниз, вверх-вниз, которые мы наблюдали в последнее, в том числе сентябрьские, в 2020 году, дни на рынке, которые, конечно, подрывают доверие и к валюте, и к финансовой системе, и вообще ко всем процессам инвестирования.

Именно поэтому регулятору очень важно показывать свое внимательное присутствие на рынке. И когда регулятор с рынка уходит, пускает все как бы на самотек, естественно, рынок теряет систему ориентации. Это все равно что если бы врач сказал больному: «Знаешь, ты там на собственные силы опирайся. Я как бы буду находиться рядом, но помогать тебе пока не буду. Тебе важно самому дисциплину самовыздоровления иметь». Но вообще, по идее, на то врач и есть, чтобы помогать больному, и на то и регулятор есть, чтобы помогать рынку в случае, когда рынок чувствует себя плохо, то есть рынок заболел — и регулятор должен рынку помочь. Рынок тоже такой же, по сути, почти живой элемент и живой механизм, поэтому с ним нужно тоже обращаться, давая ему устойчивость в понимании того, как все это есть.

Тем более в случае с длинными деньгами, которые действительно такие. Еще раз: длинные деньги — в чем их специфика, длинные, такие вот системные проблемы? Ведь тут репутация, устойчивость. Вы репутацию долго зарабатываете и очень быстро можете ее разрушить. Поэтому вам нужно, как регулятору, как всем участникам, вести себя очень последовательно, не меняя радикально свои подходы по сравнению с теми, которые были раньше, чтобы все понимали, что как вот было — так оно и будет. Чем больше будет такая перспектива устойчивости и движения в обозначенном направлении с учетом всех инструментов (бюджетных, процентных, денежно-кредитных, валютных), которые у регулятора есть, а у него их в изобилии, тем лучше рынок будет себя чувствовать.

Поэтому здесь просто нужно немножко поменять, я бы считал, идеологию этого настроя рынку. Тем более, повторяю еще раз, что у нас, у России, есть все необходимые ресурсы и все необходимые возможности, чтобы на рынке установить благоприятную, комфортную среду для всех участников. И когда мы эти возможности имеем, но почему-то ими очень робко пользуемся или не пользуемся вообще, это вызывает скорее недоумение. И поэтому я считаю, что все те задачи, которые перед нами сейчас стоят, а они становятся все более и более актуальными, более и более острыми, и после пандемии, я думаю, будут только возрастать их объем и актуальность, и все те, которые перед нами стоят и которые перед нами ставятся руководством страны, президентом во всех наших системных документах, — мы вполне можем их решить, но только это потребует неких более активных, более сфокусированных подходов и у участников рынка, и у регуляторов, и у всех нас.

Бодрунов: Я считаю, что из всего того перечня мер, которые вы назвали, мне важно подчеркнуть две очень важных вещи.

Первое — это инвестиционный процесс, менее экономический, чем психологический. Почему? Потому что инвестор всегда принимает решение на длинную, как правило, перспективу. Инвестиции, особенно в крупные инфраструктурные проекты, о чем сегодня мы, в общем-то, говорим, — для нашей экономики самое важное. Это крупные проекты в сфере промышленности, индустрии, особенно сложных областей и сфер индустрии. Это длинные проекты. И рассчитывать на то, что инвестиции вернутся, что будет соответствующая рентабельность, можно только в условиях более-менее приличной стабильности, меньшей волатильности рынков, в том числе финансовых рынков, и так далее и тому подобное. Потому что с финансовых рынков получают финансовые ресурсы, ну и прочее, прочее. Поэтому, конечно, длинные деньги придают устойчивость экономике и надежность инвестиционного процесса, что, собственно говоря, и есть один из важнейших толчков развития экономики. Об этом говорит постоянный участник наших дискуссий академик Аганбегян, о котором мы сегодня говорили. И это было подчеркнуто на Московском академическом экономическом форуме в 2020 году в мае месяце, и это было подчеркнуто неоднократно на наших сессиях ВЭО. И я считаю, что это абсолютно правильное наблюдение и правильная закономерность, которую необходимо обязательно учитывать в разработке мер по развитию нашей экономики. Очень важна сама по себе устойчивость не только для инвестиционного процесса, но и для того, чтобы субъектам экономической деятельности принимать правильные решения, ориентируясь на те устоявшиеся, или установленные, или какие-то более-менее стабильные правила и нормы, которые есть в экономике. А она, опять же, может быть стабильной и устойчивой, только если в ней есть длинные какие-то, условно говоря, столпы, на которых она стоит.

И вот в этом плане, конечно, Центральный банк выполняет определенную функцию такого надзирателя поведения на этом рынке и поддержки этого рынка. И, конечно, мы считаем, что движение в эту сторону у нас идет, и зависит это не только, конечно, от Центрального банка, зависит и от решений правительства, от того плана мер, который сегодня реализуется в стране. Ну и зависит от того, как мы будем себя чувствовать в мировой экономике.